УДК 130.2

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-143-152

Нина Алексеевна Коноплёва,*Владивостокский государственный университет экономики и сервиса**(г. Владивосток, Россия),**e-mail: nika.konopleva@gmail.com***Марфа Александровна Винокурова,***Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова**(г. Якутск, Россия),**e-mail: vinokurova.21@mail.ru*

К вопросу определения сущностных характеристик и факторов формирования повседневной культуры питания и гастрономической культуры

В статье рассматриваются научные подходы к понятию «повседневность» и взаимосвязанным с ним терминам. Прослеживаются составные элементы, обуславливающие возможности исследования одного из базовых элементов культуры повседневности «пищи» – «культуры питания» и значения их взаимодействия с «культурой» в культурологических изучениях повседневности. Акцентируются ключевые комбинации, раскрывающие сущность практик питания. Осуществляется анализ работ, посвящённых повседневной культуре питания и гастрономической культуре, систематизируются факторы, необходимые для культурологических исследований данной проблематики. Обосновывается перспективность изучения сферы повседневного, обыденного. В культурологии повседневность – это совокупность идей, принципов, процессов и явлений культуры, связанных с повседневной жизнью людей. Питание является важным элементом человеческой жизни, в связи с чем исторически сложились принципы пищевой культуры, включая знание основ правильного питания, свойств продуктов, их влияния на организм, умения выбирать, готовить. В связи с этим термин «культура питания» соотносится с накопленным народом – носителем культуры – опытом удовлетворения потребности в пище. В современной науке повседневная культура питания соотносится с определением «гастрономическая культура», хотя до настоящего времени нет однозначного понимания этого многомерного культурного феномена, который является специфическим атрибутом каждой нации.

Ключевые слова: история повседневности, повседневность, культура, еда, гастрономическая культура

Nina A. Konopleva,*Vladivostok State University of Economics and Service**(Vladivostok, Russia),**e-mail: nika.konopleva@gmail.com***Marfa A. Vinokurova,***M. K. Ammosov North-Eastern Federal University**(Yakutsk, Russia),**e-mail: vinokurova.21@mail.ru*

To the Question of Determination of Essential Characteristics and Factors of Formation of the Everyday Culture of Food and Gastronomic Culture

The article discusses the scientific approaches to the concept of “daily life” and its interrelated terms. The components are traced, which determine the possibilities of studying one of the basic elements of the culture of everyday life “food”, “food culture” and the significance of their interaction with “culture” in cultural studies of everyday life. We accentuated key combinations that reveal the essence of the practice of nutrition. The analysis of works devoted to the daily food culture and gastronomic culture is carried out, the factors necessary for the cultural studies of this problem are systematized. The prospect of studying the sphere of everyday and ordinary is grounded. In cultural studies, everyday life is a collection of ideas, principles, processes and cultural phenomena related to the daily lives of people. Nutrition is an important element of human life, in connection with which the principles of food culture have been historically established, including knowledge of the fundamentals of proper nutrition, food properties, their effect on the body, ability to choose, cook. In this regard, the term “food culture” refers to the experience of satisfying the need for food accumulated by people, the bearers of culture. In modern science, everyday food culture correlates with the definition of “gastronomic culture”, although so far there is no common understanding of this multi-dimensional cultural phenomenon, which is a specific attribute of each nation.

Keywords: daily history, everyday life, culture, food, gastronomic culture

© Коноплёва Н. А., Винокурова М. А., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная
his work is Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 Universal

Введение. В настоящее время увеличился интерес российских учёных к исследованию повседневного человеческого бытия. Изучение истории повседневной жизни человека носит междисциплинарный характер, подразумевает анализ материалов самых различных наук: философии, истории, этнографии, социологии, культурологии, демографии, психологии, медицины и т. д.

Причём интерес к культуре повседневности культурологии, как междисциплинарной интегративной сфере знания, должен быть направлен на комплексное исследование различных повседневных явлений, ставших с одной стороны привычными, а с другой – служащих для конструирования образа жизни отдельного человека, анализа и совершенствования социальной реальности в целом.

Методология и методы исследования. В исследовании культуры повседневности предметом исследования считаются всевозможные проявления повседневной жизни: среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклады жизни, ментальность, образ мышления и тип жизни конкретного социума. Объектом нашего исследования является история изучения повседневной культуры питания и гастрономической культуры. Культурологические исследования с одной стороны обуславливают прирост свежего познания о сфере повседневного человеческого бытия, с другой – дают возможность взглянуть на процессы этнической самоидентификации по-новому, что необходимо для развития теории и истории культуры. Цель нашей работы – на основе отечественных и зарубежных научных разработок исследовать теоретические аспекты, раскрывающие специфику повседневной культуры питания и возможности их использования в региональной гастрономической культуре.

Результаты исследования и их обсуждение. Изучение культуры повседневности является одним из наиболее активно развивающихся направлений современного гуманитарного знания, представляется актуальным и заслуживает особого внимания.

Повседневная жизнь человека – явление многогранное. Одним из структурных элементов, характеризующих культуру повседневности, является пища – основа базовых потребностей человека, организация питания, все связанные с этим процессом факторы.

В настоящее время исследование «Истории повседневности» развивается и начинает соперничать с другими направлениями исто-

рических наук в западноевропейской и российской исторической мысли.

Причём понимание сущности дефиниции «повседневность» предполагает необходимость разделения ряда терминов и их концептуализацию. Наиболее значимо понимание сути термина «повседневность», речь при этом идёт о том, что происходит в культуре изо дня в день.

Учёные А. А. Возьмитель и Г. И. Осадчая опираются в своих исследованиях на понятие «образ жизни», противопоставляя его понятию «повседневная жизнь» и определяя его как систему устойчивых, типичных форм общественного бытия. В свою очередь, повседневная жизнь, по их мнению, является автономным слоем повседневной жизни, определённой комбинацией «жизненных миров», которые во многом определяют специфику гражданского общества, социального производства и воспроизводства [8, с. 58].

Более того, авторы отмечают, что в науке категории «образ», способ и стиль жизни определяются как синонимы. Они различаются по объёму (широте) явлений, отражаемых ими процессов; по характеру (общественные, социальные, социально-психологические); по социальным функциям (социализация, социальное и личностное самоопределение); по предмету (тип личности).

Образ жизни – это устойчивые формы общественной жизни, совместной деятельности людей, которые формируются в соответствии с обобщёнными нормами и ценностями, отражающими эти отношения [Там же, с. 59].

Способ жизни – это результат взаимодействия человека с социальной ситуацией, а стиль – с конкретной жизненной; стиль жизни – это субкатегория образа жизни. Способ жизни выражает тип жизнедеятельности, развивающийся под воздействием объективных условий и внутренних мотивирующих сил. Можно сказать, что стиль и образ жизни являются факторами культуры повседневной жизни.

Образ жизни возникает в результате реализации и последующей объективации различных методов и (или) стилей жизни, в свою очередь метод жизни отображает картину жизнедеятельности, демонстрируя, какие способности, присущие образу жизни, и его субъективные критерии реализуются в деятельности людей и в чём форма. В результате образ жизни определяется специфическими системами уникальных способов социального самоопределения, которые проявляются в повседневной деятельности людей [8]. Стиль

жизни характеризуется той частью повседневного поведения, ценностных направлений и определённых объектов среды обитания, созданных человеком (жилище, вещи, культура питания и т. п.), которые с одной стороны способствуют идентификации с определённой группой (её образом), а с другой – группы отличаются друг от друга.

Таким образом, в процессе исследований культуры повседневности следует обращать внимание на: 1) элементы устойчивости и динамизма образа и стиля жизни, а также выявлять факторы, определяющие эти тенденции; 2) механизмы интеграции и дезинтеграции образа жизни; 3) адаптационно-инновационные тенденции.

Б. Вальденфельс, ссылаясь на Н. Элиса, говорит о том, что понятие «повседневная жизнь» нельзя превращать в универсальную категорию, характеристики которой могут быть присущи и вьетнамскому крестьянину, и китайскому мандарину, и средневековому рыцарю, и афинскому мыслителю, и обычному человеку, то есть в каждом случае должны быть отдельные исследования [6].

Вместе с тем обыденную жизнь нельзя представлять и автономной, отделённой от общества, с его структурами власти. Повседневность – это дифференцирующее понятие, отделяющее одно от другого, а её значение изменяется в зависимости от места, времени, среды и культуры; повседневность – это место образования смысла, открытия правил [8, с. 58].

Как отмечает Н. Н. Зарубина, повседневность является открытой системой, имеющей подвижные и проницаемые границы и сложные взаимосвязи с «большим миром» политики, высокой культурой, духовной жизнью [10, с. 53].

И если О. Шпенглер, отдавая первенство в культуре духовным ценностям, считая быт явлением вторичным, полагал, что со временем, когда культура трансформируется в цивилизацию, материальные ценности, предметы комфортного быта вытесняют великие духовные ценности [27, с. 8], то, в свою очередь, Г. С. Кнабе отмечает, что в современном обществе существует связь между высокой культурой и низовой, существующей жизнью – жизнью с растворёнными в ней своими особыми последствиями, которые являются основной проблемой эпохи, оказывают неограниченное влияние на теоретическую мысль, характерную для нашего времени [14, с. 8].

Наиболее чёткое определение «истории повседневности» мы находим в работе

Н. Л. Пушкаревой, где она отмечает, что это новая ветвь исторических знаний, предметом изучения которых считается область общечеловеческих обыденностей в многочисленных исторических, культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневной жизни всестороннее изучение типа жизни и её изменений у представителей различных социальных слоёв, их поведения и психологических реакций на соответствующие действия [23, с. 21].

Внимание к «истории повседневности» возникло с началом развития западноевропейской науки на этапах XIX–XX веков. Работы представленного периода числятся общетеоретическими, потому что в них изучается теория и конструкция повседневности, но в соответствии с философской направленностью.

Так, работы основоположников феноменологического направления в философии, в частности, Э. Гуссерля (1859–1938), относятся к общетеоретическим источникам истории повседневности. Он был первым, кто обосновал значение философского понимания не только больших абстракций, но и сферы повседневной жизни человека, которую он называл «миром жизни» [11, с. 98].

Теория «фигурации», близкая к ситуации менталитета и повседневности школы Анналов, была разработана немецким учёным Н. Элиасом [22]. В своих работах Н. Элиас продемонстрировал, как меняется конфигурация поведения человека в процессе социального становления. Спонтанные, аффективные действия вытесняются регулируемым поведением, подчинением, выражаются в процессе обучения, самопринуждения. Исследования повседневной жизни разных эпох позволили учёному сделать вывод, что культура и рационализация проявляются в связи с напряжением между разными группами одного и того же социального поля и между членами одной и той же группы.

Шагом к дальнейшему изучению повседневности и выделению её в отрасль науки стало появление в 60-х годах XX века модернистских социологических концепций, в частности, теории общественного конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана [2]. Именно они актуализировали исследование «встречи людей лицом к лицу», полагая, что эти «встречи» (социальные взаимодействия) являются ведущим явлением повседневной жизни. В своих работах П. Бергер и Т. Лукман отделяли реальность повседневной жизни от

большого числа других реальностей и называли её высшей реальностью. Она приобретает это значение в силу того факта, что интенсивность сознания выше именно в повседневной жизни, наложена на понимание более твёрдо, сильно и глубоко.

В 1960-х годах американские социологи А. Сикурель и Г. Гарфинкель обратились к изучению людей не просто как действующих, но и «думающих, и переживающих» [16, с. 88]. Это видение индивидов привело их к разработке основ социологии повседневной жизни, что послужило появлению «этнометодологии». Авторы концепции считали предметом этнометодологии исследование того, «как люди действуют, когда живут обычной жизнью». Целью социологии повседневной жизни было открытие «методов, которые человек использует в обществе для осуществления повседневных действий», путём анализа существующих в обществе правил и предрасудков, процесса их формирования, интерпретации речей, поведения, жестов «других».

Повседневность связана с формами организации находящегося вокруг индивида места и созданием безупречных канонов поведения человека, его внешнего облика [17]. А. Шюц позиционирует обыденность как социокультурный мир, воспринимаемый людьми, подвергающийся их влияниям и в одно и то же время влияющий на них. Это мир, заполненный значениями, мир объектов с определёнными свойствами.

Анализ научных трудов показал, что первые исследования компонентов повседневной жизни носили этнографический и описательный характер, при этом основное внимание уделялось внешней, предметно-материальной стороне жизни или деталям духовной культуры.

Нам близко определение повседневности, данное Н. Л. Пушкаревой: «Повседневность – это совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это – ткань человеческих отношений, каждое из которых в отдельности рациональное, то есть запланированное индивидами. В совокупности же каждое такое взаимодействие является частью такой структуры и порядка, которые никем не планировались и не предусматривались» [23, с. 26].

Вместе с тем, рассматривая повседневность не только как историческую, но и как категорию культурологическую, мы полагаем необходимым опираться на представление Ю. М. Лотмана и рассматривать повседневную жизнь человека как систему знаков, как

текст, соединяющий в себе быт и бытие, бытовое и бытийное.

Кроме того, для нашего исследования значимой является работа Ф. Броделя «Структуры повседневности: возможное и невозможное», представляющая одну из первых концепций «культуры повседневности». Автор обозначил элементами данной культуры пищу, одежду, жилище – как систему первичных потребностей человека, но в то же время выделил вторичные – изысканная пища, роскошное жильё, модная одежда [3, с. 121].

Актуальными для нашего исследования являются взгляды Б. И. Краснобаева, он считал необходимым рассматривать повседневность в контексте предметно-аксиологического, деятельностного и семиотического подходов [18]; Б. В. Маркова, обосновавшего необходимость рассмотрения культуры повседневности в контексте не только деятельностных, но и эмоциональных факторов [21, с. 14].

В свою очередь, В. Д. Лелеко считал важным в исследовании структуры повседневности обращаться к пространству, времени, вещно-предметному и событийному элементам, а также рассмотрению сценариев поведения, повседневных ритуальных действий с учётом гендерного и возрастного своеобразия респондентов. Он обосновал необходимость культурологического подхода к исследованию, который, по его мнению, не может быть несистемным, обеспечивая единство структурного, функционального и исторического подходов [19, с. 227].

В своём исследовании мы не ставили задачу подробно рассмотреть работы всех зарубежных и российских учёных, посвящённые повседневности. Наибольший интерес для нас представляет такой аспект повседневности, как культура питания.

Так, Б. В. Марков, рассматривая культуру еды, обосновывает важность её исследования в контексте гендерных и национальных различий; системы правил, способов, ритуалов принятия пищи; допустимости – недопустимости определённых продуктов, проявлений табу; рассмотрения с позиции «давать – брать»; проявления «принятия – отвержения»; подчинённости – власти, удовольствия – отвращения; коллективизма – автономии; дружбы – предательства; гостеприимства; телесной близости, объединения людей, их единства, дружелюбности, родственности; проявления духовных качеств человека. Кроме того, элементом культуры

питания он считает пищевые предпочтения, правила питания в различных ситуациях – пищевой этикет, определённым образом организованное место, атмосферу, сочетающую образы, звуки, вкусы и запахи.

Несомненно, что при организации планируемого нами исследования культуры питания якутского этноса следует учитывать все эти элементы и факторы.

Развитие теоретико-методологических подходов к исследованию еды как культурного явления относится к 1960–1970-м годам прошлого столетия, научной деятельности структуралистов. К. Леви-Стросс, Р. Барт и М. Дуглас осуществляют разработку представлений о пище как своеобразном культурном коде.

При этом возникает вопрос: «Возможно ли пищу как элемент повседневности считать культурным фактором?». Культура – совокупность вещественных и духовных ценностей, актуальных представлений, образцов поведения, общепризнанных норм, методик и способов человеческой реальности. Учитывая, что культура – совокупность образцов поведения, можно сделать вывод, что и обыденные действия человека, его повседневность являются частью культуры. Они довольно плотно переплетены между собой и воздействуют друг на друга. При деятельностном, аксиологическом, культурно-антропологическом подходах к пониманию культуры организацию человеческого питания можно рассматривать как элемент культуры повседневности. Так, в контексте аксиологического подхода еда является ценностным компонентом человеческой жизнедеятельности.

Г. П. Выжлецов, определяет культуру как «практическое воплощение общечеловеческих и духовных ценностей в человеческих делах и отношениях» [9, с. 98]. В вещественных носителях воплощена духовность культуры. Опреде́чивание, овеществление духовного опыта – это закрепление и выражение его в символах и знаковых системах. Эти знаковые системы и тексты, выражающие смысловые значения, обогащают культуру и способствуют развитию и сохранению человечности общества и личности, замыслу и облагораживанию жизни людей и их отношений [4]. Взяв данные положения в качестве основы, возможно актуализировать научное внимание к такому предметно-вещественному носителю ценностных смыслов, как пища.

Таким образом, питание можно рассматривать как культурное явление с одной стороны и как явление повседневности – с дру-

гой. Именно здесь повседневность ярко переплелась с выдумкой, с ценностными смыслами бытия человека, с проявлением его интеллекта, жизненными установками, образом и стилем жизни, что иногда не просто отделить одно от другого. Развитие гуманитарных знаний в области питания во многом повторяет изучение культуры повседневности. Внимание к пище как части культуры этноса появляется в исторической и этнографической науке во второй половине XIX века. Более того, изучение гастрономической культуры в данный период носит фрагментарный характер, преобладает фактографически-описательный подход. Отрывочные сведения о привычках питания того или иного народа можно изучать в работах П. Гиро, И. Забелина, Н. Костомарова, А. Терещенко и др.

В последние годы изданы книги Д. Мишель «Ватель и рождение гастрономии» (2002); Медлар Лукана и Дурмана Грэя «Поваренная книга Декаданса» (2004); Альберто Капатти, Массимо Монтанари «Итальянская кухня. История одной культуры» (2006); Александра Грим де ла Реньера «Альманах гурманов» (2011).

Так, работа итальянского культуролога посвящена гастрономическому искусству как феномену культуры [1].

Т. Н. Князева в статье «Концепт пищи в культуре повседневности» полагает, что гастрономия является теоретической основой удовлетворения вкуса и указывает на несформулированные идеи, что «лучше» или «хуже» в питании. Мы не можем согласиться с таким узким представлением. И поэтому обратились к работам Т. Веблена, П. Бурдьё, Э. Лича, С. Кириленко.

Выделяются четыре основных понятия, демонстрирующих суть практик питания:

- 1) теория акцентированного потребления пищи (Т. Веблен);
- 2) понятие эстетического вкуса (П. Бурдьё);
- 3) культурно-сакральный аспект (Э. Лича);
- 4) понятие об относительной важности питания (С. Кириленко) [15].

Если мы объявляем статус, концепцию акцентированного потребления пищи, разработчиком которой был Т. Веблен, то изначально это была теория потребления элиты и касалась она, прежде всего, моды. Но в последующем в его концепции стали появляться принципы, непосредственно связанные с питанием. В своей работе «Теория праздного класса» он сформулировал мысль о том, что «образ жизни и модели потребления не толь-

ко демонстрируют социальные различия, но вместе с тем являются средством поддержания социального статуса» [7, с. 154]. Несомненно, мы согласны с данным высказыванием Т. Веблена и полагаем, что с помощью выявления предпочтений и частоты употребления человеком пищи, не доступной из-за её цены основной массе населения, можно делать вывод о статусной принадлежности человека.

Наиболее детальной считается теория эстетического вкуса П. Бурдьё. Он полагал, что человек в своей повседневной жизни – будь то повседневная деятельность или принципы питания, основывается на прошлом опыте. Учёный именовал этот опыт габитусом, который определял как систему индивидуальных и групповых принципов восприятия, установок, формулирования целей, решения поставленных задач. Именно в соответствии с этим принципом воспроизводятся социокультурные правила, образ жизни социальных групп, которые в свою очередь порождают постоянные предпочтения – вкусы [5, с. 14].

П. Бурдьё акцентировал внимание на том факте, что устойчивое воспроизведение определённых методов питания или культурного потребления представлено как стратегия, а не как проявление практических целей.

Кроме того, в своей работе “Distinction” («Различие. Социальная критика суждения вкуса») учёный обосновывал, что человек в повседневной практике постоянно склонен совершать выбор между тем, что вызывает чувство эстетического удовлетворения, и тем, что считается модным. Причём он полагал, что проявляемые в выборе приоритеты могут быть обусловлены нежеланием уподобиться выборам других социальных групп, что различия вкусов становятся основой социальных суждений и выражением классовых различий [28].

«Вкусы превращают физические свойства потребительских благ в символические выражения классовых позиций и становятся порождающей формулой для различных стилей жизни» [25].

В свою очередь Э. Лич рассматривал в своей работе «Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов» практику питания как культурный феномен и полагал, что все практики, имеющие отношение к питанию, можно рассматривать как закодированную культурную информацию [20, с. 45].

В концепции «Условной значимости еды» С. Кириленко обосновывает, что обычно по-

требление пищи рассматривалось как удовлетворение базовых человеческих нужд. По её мнению, еда может быть источником информации о принадлежности индивида к определённой группе, классу, субкультуре. Полагая, что пища имеет символическое значение, С. Кириленко отмечает, что она не создана специально для передачи сообщений и становится культурным кодом, информационным знаком при вхождении в определённую знаковую систему. «Информационные коды пищи возникают в процессе коммуникации, тесно связаны с социальным и культурно-историческим контекстом» [13, с. 56].

В современной зарубежной и российской науке, в связи с преобладанием в работах, посвящённых культуре питания, ранее описательного подхода, не демонстрирующего в исследованиях связи с системой культуры, в науку введён термин «гастрономическая культура». Вместе с тем, как отмечают М. В. Капкан и Л. С. Лихачева, до настоящего времени нет научных работ, посвящённых осмыслению этого термина и исследованию связанной с ним проблематики, в результате эти работы представлены набором разрозненных феноменов [12, с. 34].

М. В. Капкан и Л. С. Лихачева обосновывают концепцию «гастрономическая культура» как «систему принципов, предписаний и образцов, определяющих метод приготовления пищи, набор продуктов, принятых в данной культуре и их комбинации, привычки питания, а также размышления о вышеупомянутых явлениях». Определяя гастрономическую культуру, авторы акцентируют внимание на двух факторах: 1) национально-культурной традиции набора блюд, характерного для данного народа; 2) показателе уровня развития личности, общества как оценочной или сравнительной характеристики [Там же, с. 40].

Если опираться на свойственное обыденности в целом и гастрономической культуре в частности единство производства и потребления, то можно построить структуру гастрономической культуры, содержащую в себе кулинарную культуру, культуру питания и гастрономическую рефлексию.

Кулинарная культура представляет собой вектор анализа пищи, содержащий методы производства пищевых продуктов, основные практики приготовления еды, основные способы обработки продуктов, правила их соединения, определяет технологическую сторону приготовления.

Вектор потребления связан с культурой питания. Культура питания включает две гло-

бальные концепции взаимоотношений – «человек – еда» и «человек – человек». Первая регулируется инструкциями и нормами сочетания блюд, выступая в качестве «грамматики обеда» (М. Дуглас). Вторая сфокусирована на моменте престижа и уместности приёма пищи, в зависимости от её гастрономического содержания и с точки зрения поведения участников приёма пищи.

Как объединяющий компонент гастрономической культуры гастрономическая рефлексия обосновывает, позволяет понять, что такое еда, какова её роль в жизни человека и общества, что такое национальная еда и т. п. Гастрономическая рефлексия устанавливает границы поля, в пределах которого создаются гастрономические стратегии производства и потребления и ключевые принципы построения данных стратегий.

Рассматривая вопрос об условиях развития гастрономической культуры, необходимо различать условия, определяющие проявления гастрономической культуры как отдельного явления, и условия, определяющие специфику локальных и временных альтернатив гастрономической культуры, несмотря на то, что гастрономическая культура проявляется как форма культурной адаптации к природным условиям и получения возможностей биологического выживания в результате развития сложившейся системы норм и значений питания.

Культура питания в повседневной жизни отдельных этнических групп представляет собой своеобразную концепцию общепринятых норм, правил и стандартов потребления, реализуемых в методах приготовления пищи, комплексе установленных в этой культуре продуктов, их сочетаний, рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи.

Широко распространено понимание сущности определения «гастрономическая культура» как национальной культурной традиции; как оценочных и сравнительных характеристик; как маркера уровня развития личности и общества; как признака нормативности в области питания, потребления; как знака приобщения к культуре [12, с. 41].

Национальная кухня – это не застывшее раз и навсегда замкнутое, оно живое явление, способное видоизменяться под воздействием взаимопроникновения и взаимовлияния принципов питания других национальных культур.

Рассмотрим некоторые особенности проживания и культуры питания якутских этносов. Якутия расположена в северо-восточной ча-

сти Сибири, её площадь равна 3102 млн км², а лесная площадь в таёжной зоне составляет 67 %. В лесу обитают морж, белый и бурый медведи, лось, заяц и другие животные. Свыше 40 % территории Якутии (почти вся континентальная часть) находится за полярным кругом в зоне вечной мерзлоты. Якутия знаменита не только пушниной и алмазами, но и суровым климатом. Климат континентальный. Зима в Якутске очень холодная и длинная, иногда температура достигает до –60 °С, лето короткое, в июле дневная температура часто превышает +30 °С.

На северо-востоке Азии якуты представляли единственную тюрко-монгольскую этническую группу, расположенную как остров среди большого мира маньчжурских и палеоазиатских племён и народов, которых они значительно превосходили по численности. У народов Якутии пища, как и другие виды материальной культуры, по составу и технологии приготовления занимала особое, более чем самостоятельное место [26].

Якутскую кухню часто называют заполярной и многонациональной, ведь в этом северном крае живут не только русские и якуты, но и эвенки, эвены, юкагиры, ненцы, долганы, чукчи и многие другие народы. Национальная кухня якутского этноса уникальна и всегда вызывает большой интерес со стороны туристов, приезжающих в Якутию. С каждым годом популярность национальных блюд растёт, являясь важной частью всего туристического бизнеса. Якутская кухня считается одной из своеобразных и интересных на Дальнем Востоке. Популярность блюд определяется следующими критериями – богатство витаминов, пищевая ценность, замечательное свойство восстанавливать силы.

Надо отметить то, что Республика Саха (Якутия) обладает огромными ресурсами в области развития гастрономического туризма и организации разнообразных гастрономических туров, которые при определённой подаче и грамотном продвижении могут выйти на международный уровень. При этом эти ресурсы являются частью повседневной жизни и картины мира людей. Якутская национальная кухня – это бренд, благодаря продвижению которого можно обогатить имидж республики и продемонстрировать её туристский потенциал. Сильными сторонами развития гастрономического туризма в Якутии являются, прежде всего, наличие разнообразных уникальных блюд, способных привлечь интерес туристов со всего мира, проведение масштабных событийных мероприятий, направленных на

закрепление брендовых продуктов и блюд республики. Слабыми сторонами можно назвать сезонность данного вида туризма, неразвитую маркетинговую политику как внутри республики, так и за её пределами, а также отсутствие конкурентоспособных гастрономических туров во время проведения зимних фестивалей.

Заключение. Культурологический подход к представленному объекту предполагает анализ взаимодействия гастрономической культуры с социокультурным контекстом существования того или иного общества. Он

направлен на выявление содержания определённой культурной эпохи, преломленных в гастрономической культуре смыслов, на выявление взаимодействия общепринятых норм и принципов питания отдельного этноса с культурными особенностями региона в целом. Это позволяет, осуществив актуальное и перспективное исследование гастрономической культуры с учётом всех представленных в данной работе критериев, создать целостный образ не только гастрономической культуры, но и этнической культуры в целом.

Список литературы

1. Альберто Капатти, Массимо Монтанари. Итальянская кухня. История одной культуры / пер. с итал. В. Бабицкой, А. Краси́льщик, К. Тименчик. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 480 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 184 с.
4. Большаков В. П. Понимание культуры как проблема современной теории // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 9–19.
5. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: пер. с англ., нем., фр. М.: Прогресс, 1991. С. 39–59.
7. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
8. Возьмител А. А., Осадчая Г. И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 58–65.
9. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: СПбГУ, 1996. 152 с.
10. Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурной трансформации российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 52–62.
11. Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Западная философия в XX в. М.: Проспект, 1998. 432 с.
12. Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. 2008. Т. 55, № 15. С. 34–43.
13. Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе. URL: http://www.redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid=382 (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
14. Кнабе Г. С. Диалектика повседневности // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 1–23.
15. Князева Т. Н. Концепт пищи в культуре повседневности. URL: <http://www.library.com.uu>...kontsept...povsjakdennosti.html> (дата обращения: 12.02.2019). Текст: электронный.
16. Коркюф Ф. Когнитивная социология Арона Сикуреля и Гарольда Гарфинкеля // Новые социологии / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федотовой; науч. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алелейя, 2002. С. 88–97.
17. Коркюф Ф. Феноменологический конструктивизм: вклад А. Шюца // Новые социологии / пер. с фр. Е. Д. Вознесенской, М. В. Федотовой; науч. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алелейя, 2002. С. 80–84.
18. Краснобаев Б. И. Очерки русской культуры XIII века. М.: Просвещение, 1987. 320 с.
19. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в Европейской культуре. СПб.: СПбГУКИ, 2002. 320 с.
20. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М.: Восточная литература, 2001. 142 с.
21. Марков Б. В. Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
22. Немецкая социология / отв. ред. Р. П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003. 568 с.
23. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskoga instituta SAN (Beograd). 2005. № 53. 3. С. 21–34.
24. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
25. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18.
26. Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 376 с.
27. Шпенглер О. Закат Европы: очерки мифологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. 606 с.
28. Bourdieu P. Distinction. London: Routledge & Kegan Paul, 1994. 646 p.

Статья поступила в редакцию 20.03.2019; принята к публикации 20.04.2019

Сведения об авторах

Коноплёва Нина Алексеевна, доктор культурологии, профессор, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; 690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41; e-mail: nika.konopleva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5969-3193.

Винокурова Марфа Александровна, старший преподаватель, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58; e-mail: vinokurova.21@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8590-4006.

Вклад авторов в статью

Н. А. Коноплёва – основной автор, осуществляла сбор материала, анализ, формулировала выводы и обобщала итоги реализации коллективного проекта.

М. А. Винокурова – соавтор, осуществляла сбор и систематизацию материала исследования, структурировала и оформляла статью.

Библиографическое описание статьи

Коноплёва Н. А., Винокурова М. А. К вопросу определения сущностных характеристик и факторов формирования повседневной культуры питания и гастрономической культуры // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 4. С. 143–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-143-152.

References

1. Alberto Kapatti, Massimo Montanari. Italian cuisine. The history of one culture. Trans. from Italy. M: New Literary Review, 2006. (In Rus.)
2. Berger, P., Lukman, T. Social construction of reality. M: Medium, 1995. (In Rus.)
3. Baudrillard, J. The System of Things. M: Rudomino, 1995. (In Rus.)
4. Bolshakov, V. P. Understanding Culture as a Problem of Modern Theory. Proceedings of St. Petersburg State Institute of Culture, pp. 9–19, vol. 210, 2015. (In Rus.)
5. Bourdieu, P. Practical sense. SPB: Aleteiya, 2001. (In Rus.)
6. Waldenfels, B. Everyday Life as a Melting Crucible of Rationality. In Socio-Logos: Trans. from English, German, French. M: Progress, 1991: 39–59. (In Rus.)
7. Veblen, T. Theory of class. M: Progress, 1984. (In Rus.)
8. Vosmitel, A. A., Osadchaya, G. I. Lifestyle: theoretical and methodological foundations of analysis. Sociological studies, pp. 58–65, no. 8, 2009. (In Rus.)
9. Vyshletsov, G. P. Axiology of Culture. SPB: SPBGU, 1996. (In Rus.)
10. Zarubina, N. N. Daily life in the context of sociocultural transformation of the Russian society. Social Sciences and Modernity, pp. 52–62, no. 4, 2011. (In Rus.)
11. Zotov, A. F., Melvil, Yu. K. Western philosophy in the twentieth century. M: Prospect, 1998. (In Rus.)
12. Kapkan, M. V., Likhacheva, L. S. Gastronomic Culture: Concept, Functions, Formation Factors. Izvestiya UGU, pp. 34–43, vol. 55, no. 15, 2008. (In Rus.)
13. Kirilenko, S. Features of the symbolization of food in modern society. Web: 12.03.2019: http://www.redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid=382. (In Rus.)
14. Knabe, G. S. Dialectics of everyday life. Questions Philosophy, pp. 1–23, no. 5, 1989. (In Rus.)
15. Knyazeva, T. N. The concept of food in the culture of everyday life. Web: 12.03.2019. <http://www.library.com.ua/>...kontsept...povsjakdenosti.html>. (In Rus.)
16. Korkyuf, F. Cognitive sociology of Aron Sicuel and Harold Garfinkel. New sociology. SPb: Aleleia, 2002: 88–97. (In Rus.)
17. Korkyuf, F. Phenomenological constructivism: the contribution of A. Schyuts. New sociology. SPb: Aleleia, 2002: 80–84. (In Rus.)
18. Krasnobaev, B. I. Sketches of Russian culture of the thirteenth century. M: Prosveshchenie, 1987. (In Rus.)
19. Leleko, V. D. The space of everyday life in European culture. SPB: SPBGUKI, 2002. (In Rus.)
20. Leach, E. Culture and communication: the logic of the relationship of symbols. M: Vostochnaya literatura, 2001. (In Rus.)
21. Markov, B. V. The culture of everyday life. SPb: Peter, 2008. (In Rus.)
22. German sociology. SPb: Nauka, 2003. (In Rus.)
23. Pushkareva, N. L. The history of everyday life and the ethnographic study of life: discrepancies and intersections. Glasnik Etnografskogo instituta SAN (Beograd), pp. 21–34, N LIII. 3, 2005. (In Rus.)
24. Pushkareva, N. L. The subject and methods of studying the “history of everyday life”. Ethnographic review, pp. 3–19, no. 5, 2004. (In Rus.)
25. Radaev, V. V. Sociology of consumption: the main approaches. Sociological studies, pp. 5–18, no. 1, 2005. (In Rus.)
26. Savvin, A. A. The Yakuts' food before the development of agriculture (the experience of the historical and ethnographic monograph). Yakutsk: IHI AS RS (Y), 2005. (In Rus.)

27. Spengler, O. The Decline of Europe: Essays on the mythology of world history. V. 1: Gestalt and reality. M: Mysl', 1998. (In Rus.)
28. Bourdieu, P. Distinction. London Routledge & Kegan Paul, 1994. (In Engl.)

Received: March 20, 2019; accepted for publication April 20, 2019

Information about authors

Konopleva Nina A., Doctor of Culturology, Professor, Vladivostok State University of Economics and Service; 41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia; e-mail: nika.konopleva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5969-3193.

Vinokurova Marfa A., Senior Lecturer, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University; 58 Belinskogo st., Yakutsk, 677000, Russia; e-mail: vinokurova.21@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8590-4006.

Contribution of authors to the article

N. A. Konopleva: the main author, she collects research materials, makes analysis, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project as well.

M. A. Vinokurova – coauthor, she systematizes research materials, works out the structure and makes arrangements of the article.

Reference to the article

Konopleva N. A., Vinokurova M. A. To the Question of Determination of Essential Characteristics and Factors of Formation of the Everyday Culture of Food and Gastronomic Culture // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 4. PP. 143–152. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-143-152.